

Мы пришли. Мы уже здесь. Нас можно не замечать, не воспринимать, недооценивать, но мы есть. Нас можно преследовать по закону, запрещать, изгонять, единственное, что сделать невозможно – нас невозможно уничтожить. Мы и мертвыми возвращаемся. Чтобы властвующий деляга поперхнулся куском, отнятым у народа. Чтобы напомнить посланцам горных аулов, хозяйничающим на нашей земле, давно забытое ими чувство страха за собственную жизнь. Мы возвращаемся сознанием неуспокоенного теоретика, когда он берется за карандаш и выводит фразу: «Обществом должна править не сильная рука, а сплоченное множество здравых умов, честных сердец и твердых рук...» Мы возвращаемся тогда, когда голодным старикам уже не к кому обратиться с просьбой «Защити!» Тогда, когда политические дрязги загоняют общество в «войну всех против всех», отнимая у народа святое и неделимое единство по Отечеству.

Мы возвращаемся живыми под проклятия либералов, изводящих народ безнравственной свободой, в ненависти торгашей и менял, чьи душонки не стоят и погребальной молитвы. Мы возвращаемся, осознавая себя Воинами. Нас можно запретить, но нельзя уничтожить. Мы возвращаемся.

Они клянут нас за то, что наш социальный порядок воздвигается «ценою человека». Это их мнение. Можно было бы вообще не принимать его в расчет, находя в нем отпечаток их социального лицемерия. Но именно поэтому мы и не обойдем его стороной. Звучит-то как! Ценою человека! Так и хочется спросить: «Какого человека?» Кто тот человек, что становится неизбежной жертвой при наведении социального и нравственного порядка в обществе? Педераст, разложившийся наркоман, национальный предатель, клеветник на свой народ, умственно подвинутый сатанист, вагонный попрошайка, религиозный фанатик или «ясновидящий» плут, аферист и вымогатель, прикрытый лозунгом свободы предпринимательства? Чья еще свобода зависит от либерализма общественных нравов и неорганизованности порядка?

Возможно, мы по-разному понимаем «свободу». Для нас не существует этого понятия вне нравственности. Мы нас-тойчивы в том, что ублюдок не может быть свободным, что не существует равенства между честным человеком и по-донком. Мы настойчивы в том, что свобода есть привиле-гия достойных. Нет, не избранных, а социально достойных. Вне всякого кивания на политическое или экономическое устройство общества, мы заявляем, что свобода является продуктом социального порядка. Она существует как форма отношения личности и общества, и если личность социаль-на, то ее интересы не вступают в противоре-чие с интере-сами общества. Если же личность антисоциальна, то она разлагает общество как болезнетворный микроб. Питатель-ную среду для этого микроба создает культурный слой либеральной буржуазии.

Либерализм противоречит интересам общества, ибо де-лает его зависимым от собственной мягкотелости в отноше-нии преступников, нравственных уродов и разложенцев. Что же такое «свобода» в собственном понимании этого слова? Свобода есть наиболее стабильная форма неза-висимости в мыслях, суждениях и поступках. Однако мысли, суждения и поступки человека зависят и от его воспитания, и от его ума. Если нет ни того ни другого, оста-ется только отпущенная на волю животная стихия. Но именно о ее неприкосновенности так заботятся господа ли-бералы, ибо нравственность в их среде понятие весьма призрачное. Мы же считаем свободу наивысшим нравствен-ным поощрением человека. В буржуазном обществе сво-бода это диагноз. Посмотрите на эти исковерканные сво-бодой физиономии. Попробуйте найти в них признаки здо-ровья, покоя и счастья. Да по ним можно изучать историю человеческих пороков. Особенно хороши сами мэтры буржуазности и западничества, не сходящие с телевизионных экранов. Здесь уже скрывается нечто зоологическое. Старик Дарвин и не подозревал, что отпущенная нравствен-ность внесет такие поправки в его эволюцию видов.

Что же может сказать о свободе Воин, ведь подчиняемость особым нормам поведения является обязательным условием его социальности? Логично было бы предполо-жить, что Воин в принципе не может быть независимым существом. Однако такой вывод не верен.

Для того чтобы его опровергнуть, вернемся к истокам нашей великой культуры. Ее основателем, носителем и про-водником был варвар. Понятие это трактуется историками чрезвычайно однобоко. В их представлении варварство есть некий исторический период человеческой отсталости и ди-кости. То есть варвар – тот

материал истории, который как бы отработала цивилизация. В действительности же варварство есть способ выживания. Он распространяется как на отдельные личности, так и на тип общественной культуры, на общественную мораль и нравы, и совершенно не зависит от этапа исторического развития общества. Варвар живет и сегодня. Вместо чемодана этот бродяга пользуется дорожной сумкой или вещмешком, в содержимое которых входит только самое необходимое. Он предпочитает простую и здоровую пищу, он свободно себя чувствует на дикой природе, легко переносит дискомфорт и лишения своей бродяжьей жизни. Он их просто не замечает. Вот в чем его важнейшая особенность! Он инстинктивен, естествен, прост, и поэтому не переносит светские манеры или этикет аристократов. Его квартиру не украшает дорогая мебель, поскольку толк в вещах варвар видит в их простоте, надежности, постоянстве и долговечности. Он сам такой.

Варвары существуют либо поодиночке, либо небольшими общинами своих родов-семей. Род для варвара понятие священное. Организован род по принципу звериной стаи: младшие безоговорочно подчиняются старшим, а каждая ступень социального развития требует особой инициации, посвящения, превращенного в некое культовое действие. Причем, совершенно неважно, в какой варварской среде это происходит: у неумолимых романтиков-туристов или в боевом подразделении «краповых беретов». Авторитет старших здесь одинаково непререкаем. Это природная норма выживания. Уравнивание в правах старших и младших для варваров безнравственно, опасно и символизирует один из этапов разложения общества.

Однако история знает и другой тип общественной организации – демократический. Он создавался античными народами в условиях разрушения семейных общин и ликвидации зависимого от них общественного статуса человека. Демократия была нужна для того, чтобы преодолеть родовые противоречия между этнически разняющимися племенами, либо между сословиями. Она ниспровергла родовой паритет общества, создав такую организацию, которая не была предусмотрена Природой. При этом возобладал неизменный принцип демократии: «Каждый имеет право быть таким, какой он есть!» Этот принцип до сих пор отражает демократическое условие свободы. Однако, как и следовало ожидать, в его культе обнаружилось противоречивое лукавство. Каждый, да не каждый! Например, если педерастом при либеральной демократии быть фактически почетно, то фашистом быть никак нельзя. Не везде можно быть и коммунистом. Российские радикальные демократы открыто призывают передавить всех коммунистов. Так что демократия – вещь весьма однобокая, а главное лживая.

Итак, перед нами два совершенно разных типа общества, соответственно два совершенно разных типа Армий, соответственно два совершенно разных типа Воина. Сравним их на примере галлов и римлян. Римская армия – это объединение чужих друг

другу людей, не связанных никакими узами, кроме профессионального партнерства. Они различны с точки зрения происхождения, воспитания, развития, наследственности и еще много чего. Для того чтобы эта масса была функциональна, в военном деле нужна система их уравнивания, единообразия и строгой стандартизации. Так появился на свет легионер. Все его человеческое существо подломлено, переработано и подведено под систему стандарта. Он нормативен, усреднен и не самостоятелен. Он сам по себе ничто. Легионер – составной элемент такой Системы, такой Армии, где людей объединяет лишь более или менее отработанная общая идея вроде «нового мирового порядка», да абсолютное строевое равенство. Индивидуальных особенностей здесь не существует в принципе. Они всячески подавляются Системой, ибо здесь хорошо только то, что соответствует норме. Легионер не должен быть лучше этой нормы, иначе пострадает взаимодействие элементов Системы. По этой мысли воюет не человек, а Система. Здесь понятие старшего не является священным, поскольку оно достигается каждым равным вам по правам путем выслуги или особых привилегий. Старшинство здесь можно потерять за провинность или по уходу с военной службы. Однако, для того, чтобы данное понятие было безусловным, создается жесточайшая система подчинения, которая, в свою очередь, порождает культ воинских званий. Культ символа. Он закрывает глаза на достоинства человеческой личности, считая единственным достоинством исключительно само звание.

Обратите внимание на современную американскую армию. Она в точности соответствует данной характеристике. Со времен римских легионов ничего не изменилось.

Но не только демократии свойственна подобная социальная организация. В полной мере ее можно перенести на клятые демократами фашизм и коммунизм. Практически отпечатать трафаретом. Каждое слово в этом определении подходит под описание социальной типичности этих режимов. Фашизм и коммунизм представляют особый вид политического социума, созданный вовсе не варваром, а легионером. Варвару нет места в этих Системах.

Теперь рассмотрим военную организацию галлов. Основным боевым звеном здесь является родовая община. Она не столь многочисленна и потому особое значение придается индивидуальности каждого воина. Варвар-галл универсален и вместе с тем особо ценит именно как мастер своего собственного дела. Эти проявления его воинской индивидуальности могут быть не только не типичны для его противника, но и необъяснимы с точки зрения нормативной логики. Так появились берсерки. Люди в зверином обличье, охотящиеся за целым войском. У галлов существовали племена берсерков. Например, секваны, вызвавшие в 385 году до н.э. у римлян панический ужас. Подобное явление нельзя нормировать, нельзя поставить на поток, подчинить

стандарту. Не случайно, что в сознании галла военное дело являлось некой системой магических культов особой, боевой магии. В этой магии царило, с одной стороны, культовое подчинение иерархии коллектива, с другой – инстинкт самообязательного подвига. Этот подвиг повсеместно проявился в воинском духотворчестве варваров. Так, только герой попадал в Рай. У германцев — в Валхаллу, у ру-сов — в Ирий, а у их исторических сородичей ариев — в Сваргу.

Трудно предположить, что демократическая организация вообще рассматривала индивидуальный подвиг в качестве элемента духовного совершенства. Во времена наполеоновских войн, например, легионерство столь преуспело в «демократизации» военного дела, что такие явления человеческой природы, как героизм или трусость проявлялись в строгом соответствии с уставом (по уставу атаковать противника или отступить следовало только строем и только шагом).

Варварам не нужны были чины и звания. Родовые отношения и так все отрегулировали.

Итак, галлы использовали немногочисленные мобильные, прекрасно слаженные коллективы, где взаимодействие не было результатом палочной дисциплины, жесточайшего подавления своеволия и непокорности. Дисциплина для варвара есть норма существования и способ социального поведения, символ того места, которое варвар занимает в общественной иерархии.

Свободен ли варвар? Безусловно! Он свободен потому, что никем и ничем не принуждаем. Он выполняет ту социальную роль, для которой и был рожден. На эту роль не назначают, не нанимают, с нее не увольняют за провинности. Никто лучше него самого не справится с этой ролью. Вот почему варвару не нужна специальная система принуждения или подчинения, изменяющая его социальный облик. Вот почему варвар свободен. Его свобода социальна, тогда как свобода демократа антисоциальна.

Свободен ли легионер? Никим образом! Легионерство есть форма социального принуждения, и эта форма тем более жестока, чем «демократичнее» общество.

Легионарную структуру можно вне всякой политической позы считать западной. Легионарность и западничество – суть одно. Пресловутый немецкий порядок есть

следствие того обращения варвара в легионера Священной Римской Империи, которое началось еще при Карле Великом. Чего достиг немец-легионер? Ровным счетом ничего. В отличие от него немец-варвар завоевал и подчинил себе Великий Рим. То есть обломал целую цивилизацию.

Гитлеровское легионерство расшибло себе лоб о русское варварство. Фашизм – одна из наиболее ярких форм легионарности. Он не выдержал столкновения с варваром. Чем ему проигрывал социал-большевизм? Попыткой загримировать миллионы варваров под образ коммунистических легионеров. Все те же стройные ряды, общеподобные фигуры, абсолютное равенство. Обратите внимание на солдата Вермахта (уж об эсэсовце и речь не идет!) и на красноармейца. Их внешняя разница сопоставима с различием римского легионера и варвара-галла. Чем выиграл социал-большевизм у легионарного фашизма? Варварством! Выполнением того, что с точки зрения легионера сделать невозможно. Той человеческой живучестью, стойкостью и выносливостью, которые не сочетаются с легионарными нормами поведения.

Так кто же мы, и какой образ нам следует культивировать? Ответ очевиден.

Легионарность много раз приходила на Русь и всегда вязла в нашем природном варварстве. Первую попытку предпринял Владимир-креститель. Не получилось. Убивая веру отцов, он не осилил варвара в своем народе. Третий Рим оказался насмешкой над первыми двумя. «Небесный Иерусалим», «Оплот царства Божия на земле» не много стоил. Он утонул в ядреной закваске дремучей души народа. «Дорога к Храму» не стала судьбой варвара. Да и сам он не стал крестоносцем.

Больше преуспел Петр Великий и хлынувшие в Россию благодаря его реформам немцы. Все эти бироны, листочки, голштейнские принцы и гессен-дармштадтские принцессы. Общество разделилось на «просвещенную», то есть прозападную часть, и «непросвещенную», дремучую, почвенную, народную часть. Россия стала жить как бы по-европейски. У нас даже образовалось двойное столичье: Петербург – западная столица, и Москва – своя, варварская. Русская армия сделалась легионарной. Правда, всегда, в самые решительные минуты сражений, кто-то вдруг вспоминал о «русском» солдате, о том солдате, что отличался от уже привычного европейского типа, о «чудо-богатыре». На этом отличии и выезжали, когда не хватало легионарности.

Потом были большевики с их смешением варварской сути и легионарной формы

социального мышления. И снова вывозил варвар. И тогда, когда строили ДнепрогЭС, и тогда, когда били немца под Москвой. Варвар всегда вывозил Россию.

Но «варвар» – понятие не стихийное, не символическое или условно-нарицательное. Варварство не только продукт беспощадной эпохи, не только форма исторического самосо-хранения русской нации, но и ее национальная идея.

Что есть такого в варварстве, отчего бы мы были менее цивилизованны, чем Западная Европа? Экономическая от-сталость, нравственное убожество, интеллектуальный про-вал? Чушь! Это наша экономика создавала скачковый пере-вес в вооружении в ходе Великой Отечественной войны, поднимала космические программы и содержала полмира нахлебников в лице коммунистических движений. Это наша нравственность создала великую русскую культуру и истори-ческое величие русского человека, отдававшего свою жизнь то за беспомощных болгар, то за китайцев, терзаемых са-мураями. Это наш интеллект создавал лучшие в мире воен-ные технологии, сделал половину всех мировых открытий в современной науке.

Чего же еще? Уровень жизни! Да, это – притча во языцех. Уровень жизни человека, заставляю-щий его однозначно и категорично оценивать достоинство государственного устройства. Но ведь уровень жизни вар-вара вовсе не обязывает его нищенствовать. Пониженная требовательность к быту есть результат не его дикости, а его свободы и выносливости, независимости от опеки цивилизации в том вопросе, который принято называть выживанием.

Разве сам народ отрекся от имущественного накопления и достатка? Его принудила к этому политическая система. Коммунизм – социальная религия бедных. Некий элемент психологии убожества. Бедность – это приговор, который вынесли коммунисты своему народу. Обогащение Системы за счет человека. Разве это не идеал легионарности? Коммунальные квартиры, очереди за дефицитом, охота за «нетрудовыми», то есть лишними доходами, «железный занавес», чтобы не видели, как живет весь другой мир, – вот коммунистическое проклятье русскому народу. Вот причина, по которой мы прокляты всеми, кто вкусил того же по на-шей воле. Но разве коммунизм — русская идея? Может следует напомнить, кто его придумал? И кто организовал здесь революцию в 1917-ом году?

Нет, варвару не нужны пришлые учителя. И время уже не поглотит варвара. Это мы

Сила и воля варвара

Автор: Александр Белов
25.03.2011 03:43 -

поглощаем время, изменя-ясь ровно настолько, чтобы не проиграть ему в главном – в возможности выжить и сохраниться. Выжить и держать за горло цивилизацию западных легионеров.

Так было, и так будет. Мы создадим новых технократических гениев в себе самих, как создавали раньше. Мы низвергнем саму логику западных аналитиков до полной беспомощности. Мы подчиним наших противников своей воле и силе.